* * *

Публикациями в одесской печати 1918—1920 гг. Бунин недвусмысленно заявил о своей приверженности «белой идее» и непримиримом отношении к большевизму. Этим принципам писатель оставался верен и в изгнании, за что на Родине его еще долго именовали «матерым волком контрреволюции»[46].

Список литературы

Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» в отзывах одесской прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012а. № 1.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в формировании литературной репутации писателя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012б. № 4.

Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 4.

Из творчества И.А. Бунина эпохи гражданской войны / Вступ. ст. и публ. Г.Д. Зленко // Филологические записки (Воронеж). 1995. Вып. 4.

Котляр Л.В. Жизнь и творчество И. Бунина после Великой Октябрьской революции (1917—1953 гг.) // Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Сер. Историко-филологическая. Вып. 32. Нальчик, 1966.

Мальцев Ю. Иван Бунин. 1970—1953. М.; Frankfurt am Main, 1994.

Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М., 2002.

Мочалова Н.В. Проблема революции и культуры в публицистике И.А. Бунина. 1918—1953 гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Свалов А.Н. Бунин // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Журавлёва. М., 2009.

Скроботова О.В. Жанрово-тематическое разнообразие «внехудожественного» творчества И.А. Бунина 1917—1923 годов: дневники, публицистика: Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2006а.

Скроботова О.В. К вопросу о тематическом многообразии дневникового наследия И.А. Бунина (1917—1923 гг.) // Творчество И.А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX—XXI веков: Материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию писателя. Елец, 2006б.

Одеська періодична преса, років революції та громадянської війни. 1917—1921 / За ред. проф. С.Л. Рубинштейна. Одеса, 1929.

Поступила в редакцию
13.02.2014

[46] <*Б. п.*> И. Бунин — нобелевский лауреат // Литературная газета (Москва). 1933. 29 нояб. № 55. С. 5.

С.Н. Морозов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук; e-mail: morozov.sn@yandex.ru

25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.А. БУНИНА В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ 1912—1913 гг.

В статье подробно, день за днем, рассматривается процесс подготовки и празднования 25-летнего юбилея литературной деятельности И.А. Бунина. Опираясь на многочисленные публикации в отечественной периодике 1912—1913 гг., а также ряд малоизвестных архивных материалов, автор вносит существенные коррективы в сложившиеся представления об одном из самых важных событий в дореволюционной биографии писателя и доказывает, что юбилейные торжества носили всероссийский характер.

Ключевые слова: *И.А. Бунин, 25-летний юбилей, литературная деятельность, периодическая печать.*

In the article, day after day, the process of preparation and observance of the 25th anniversary of Bunin's literary activity is discussed in every detail. Based on the numerous publications in the national periodicals of 1912—1913, as well as a number of little-known archival materials, the author introduces significant correction in the prevailing ideas about one of the most important events in the pre-revolutionary biography of the writer and proves that the jubilee celebrations were of all-Russian nature.

Key words: *I.A. Bunin, the 25th anniversary, the literary activity, the periodical press.*

Введение

Факт празднования 25-летнего юбилея литературной деятельности И.А. Бунина, как ни странно, редко упоминается в литературе, посвященной жизни и творчеству писателя. Об этом событии, состоявшемся в конце октября 1912 г., пишут, в частности, такие видные буниноведы, как А.К. Бабореко, Г.М. Благасова, О.Н. Михайлов, [см.: Бабореко, 1983, с. 198—200; Он же, 2004, с. 185—187; Благасова, 2001, с. 178—179; Михайлов, 1976, с. 151; Он же, 2001, с. 250—251]. Однако в их работах бунинский литературный юбилей представлен довольно общо и неполно. Например, у А.К. Бабореко говорится лишь о двух юбилейных днях, Г.М. Благасова и О.Н. Михайлов вообще избегают каких бы то ни было подробностей. Другие же исследователи — например, Ю.В. Мальцев [Мальцев, 1994] — и вовсе обходят молчанием это, безусловно, важное в жизни Бунина событие.

Все эти обстоятельства побудили нас провести собственное научное «расследование», в ходе которого был изучен ряд документальных источников — главным образом публикации в тогдашней русской прессе, а также материалы из личных фондов И.А. Бунина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и Орловском объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева (ОГЛМТ). В результате было установлено, что торжества, связанные с 25-летием литературной деятельности Бунина, продолжались по меньшей мере пять дней и что носили они, по существу, всероссийский характер.

Цель данной статьи — опираясь на выявленные и проанализированные нами материалы, воссоздать хронику событий, связанных с празднованием творческого юбилея писателя.

Подготовка к юбилею

Фактически литературный дебют Бунина состоялся 22 февраля 1887 г.: в этот день в журнале «Родина» было опубликовано стихотворение «Над могилой С.Я. Надсона». Соответственно 25-летие бунинской литературной деятельности должно было отмечаться 22 февраля 1912 г. Но поэт это свое юношеское, незрелое стихотворение вспоминать не любил и вел отсчет своего авторского стажа с 17 мая 1887 г., когда тот же журнал «Родина» напечатал другое его стихотворение — «Деревенский нищий». Поэтому было бы логичным предположить, что поначалу друзья и близкие Бунина планировали устроить ему чествование весной 1912 г. Например, литератор и издатель И.А. Белоусов в письме к Бунину от 21 февраля 1912 г., поблагодарив его за присланные для опубликования в журнале «Путь» стихи, спрашивал: «...когда напечатать твои стихи? Мне хотелось бы поместить их в твой юбилей, т.е. в мае, <...> когда точно твой 25-летний юбилей. Справлять его, конечно, едва ли возможно, но я бы поместил о тебе статью»[1]. Выражая сомнение в возможности празднования бунинского литературного 25-летия, Белоусов, вероятно, имел в виду сравнительную «молодость» будущего юбиляра. Так или иначе, в конце концов юбилей решено было отпраздновать осенью.

Первое упоминание о предстоящих торжествах появилось 14 мая 1912 г. в «Московской газете»: «В московских литературных кругах возбужден вопрос о чествовании И.А. Бунина по случаю 25-летия его писательской деятельности, исполняющегося в начале октября текущего года. <...> К юбилею писателя его друзья желают приурочить выпуск тома новых его произведений в товариществе писателей»[2].

[1] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 311. Л. 3.

Газета «Русское слово» напечатала более подробную и конкретную информацию по этому поводу: «В текущем году, как известно, исполняется 25-летие литературной деятельности И.А. Бунина. Для организации общественного празднования юбилея, предполагаемого в середине октября, образован комитет, в состав которого вошли представители от Общества любителей российской словесности, Толстовского общества, Литературно-художественного кружка, Общества деятелей периодической печати и литературы, московского отделения кассы литераторов и ученых и литературного кружка “Среда”»[3].

Комитет по организации общественного чествования Бунина в Москве был весьма представительным. В него вошли: от Общества любителей российской словесности — председатель А.Е. Грузинский, товарищ председателя П.Н. Сакулин; от Толстовского общества — председатель Н.В. Давыдов, член правления Л.И. Гальберштадт; от Общества драматических писателей и оперных композиторов — и.о. председателя кн. А.И. Сумбатов-Южин; от московского Литературно-художественного кружка — председатель дирекции В.Я. Брюсов, директора И.А. Белоусов и И.И. Попов; от московского отделения кассы взаимопомощи литераторов и ученых — председатель Н.Д. Телешов, член правления И.А. Данилин; от Общества деятелей периодической печати и литературы — председатель правления Д.А. Жаринов, член правления А.Л. Шер, члены совета Е.М. Курч и С.А. Соколов (Кречетов); от товарищеского Книгоиздательства писателей — члены правления А.А. Карзинкин, С.Д. Разумовский и Н.С. Клёстов; от Общества имени А.Н. Островского — актеры А.А. Яблочкина и Н.П. Кашин; от московского литературного кружка «Среда» — члены бюро Д.Я. Голубев, А.Р. Ледницкий, С.С. Мамонтов, секретарь М.П. Гальперин.

В сентябре, находясь в Одессе, Бунин дал интервью «Одесским новостям» и, среди прочего, кратко высказался по поводу будущего юбилея: «Неприятно только, <...> что в октябре собираются меня чествовать по случаю 25-летия моей литературной деятельности. <...> Неприятно потому, что боюсь быть записанным в старики. Помилуйте, мне только за 40 лет, и вдруг рискуешь попасть в старики»[4].

В письме от 8 сентября 1912 г. В.Н. Муромцева сообщала Бунину: «Вчера на первом заседании юбилейного комитета решили праздновать твой юбилей в воскресенье 28 октября, а накануне в

[2] <*Б. п.*> Юбилей академика И.А. Бунина // Московская газета. 1912. 14 мая (№ 190). С. 3.

[3] <*Б. п.*> К юбилею И.А. Бунина // Русское слово. 1912. 18 мая (№ 113). С. 5.

[4] *А.* У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. 6 сент. (№ 8816). С. 3.

субботу вечером устроить торжественное заседание в Обществе любителей российской словесности, где тебя изберут почетным членом общества, но ты должен будешь прочесть что-нибудь новое *значительное* (мое мнение) *минут на сорок*. Если будет нужно, то отведут богословскую аудиторию. Юл<ий> Ал<ексеевич Бунин> говорит, что Грузинский очень старается. Ответь телеграммой, согласен ли ты на эти дни или же нет, а также будешь ли ты читать или нет. Отказываться от последнего глупо»[5].

К этому письму сделал приписку брат писателя — Ю.А. Бунин: «Милый Ваня! Устройство заседания любителей словесности, по моему мнению, явится, быть может, наиболее важною частью юбилея. Будут произноситься официальные приветствия; зала, конечно, будет наполнена массою публики, особенно молодежи, которая иначе не будет присутствовать на юбилее, а ты знаешь, что для писателя значат симпатии молодежи. <...> Отказываться от этого было бы абсурдом... ты должен непременно прочесть что-либо, — разумеется, новое. <...> Я недавно писал Овс<янико>-Кул<иковскому> и сообщил ему, что юбилейный комитет особенно озабочен, чтобы появились своевременно статьи в газетах и журналах»[6].

17 сентября И.А. Белоусов писал Бунину из Москвы: «Твой юбилей назначен на 28 октября. Я книжку “Пути” постараюсь выпустить числа 25 октября, чтобы тем материалом, а главное твоей автобиографией, могли воспользоваться газеты. Я подал мысль избрать тебя почетным членом “Общества любителей российской словесности”. На ближайшем заседании я поддержу эту мысль»[7].

В самом конце сентября 1912 г. «Книгоиздательство писателей в Москве» благодаря хлопотам друзей Бунина выпустило новую книгу писателя «Суходол. Повести и рассказы 1911—1912 гг.» (М., 1912) тиражом 2000 экземпляров. Книга посвящена «Петру Александровичу Нилусу в знак верной дружбы».

С начала октября 1912 г. в газетах начали появляться публикации, посвященные 25-летнему юбилею литературной деятельности Бунина. В большинстве своем они содержали краткую биографию писателя, иногда — с фактическими ошибками и неточностями[8]. Но были и такие, в которых авторы анализировали прозу и поэзию юбиляра, пытались установить, в чем состоит его творческая индивидуальность. Например, в статье Н.С. Клёстова «Иван Алексеевич Бунин» отмечалось: «Отличительная черта творчества Бунина — авторская скрытность. Он не принадлежит к тем современным писателям, которые прежде всего спешат “выявить” себя, свою сущность, совершенно не утруждая критику истолкованием их произведений. В своих новых прозаических произведениях Бунин так же скрытен, как и целомудрен в выражении своих чувств в поэзии. В этом — залог неиссякаемости творчества. Бунин не испишется, как не мог исписаться Чехов»[9].

Наряду с предъюбилейными заметками, корреспонденциями, статьями в периодике Москвы, Петербурга, Орла, Рязани, Нижнего Новгорода, Киева, Одессы, Харькова, Екатеринодара, Ростова-на-Дону, Саратова, Оренбурга, Иркутска, Томска, Омска, Симбирска, Владикавказа печатались фотопортреты Бунина (одиночные и групповые), воспроизводилось факсимиле его подписи.

В Москве 6 октября на заседании Общества любителей российской словесности, по предложению И.А. Белоусова, Н.Д. Телешова и А.Е. Грузинского, Бунин был единогласно избран почетным членом Общества. Об этом председатель Общества любителей российской словесности А.Е. Грузинский сообщил писателю в официальном письме (без даты)[10].

18 октября Юбилейный комитет по организации празднования 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина выработал программу общественного чествования[11], назначенного ранее на 28 октября 1912 г.

В этот же день «Русские ведомости» сообщали, что в Петербурге образовался аналогичный комитет, «в состав которого вошли академики Н.А. Котляревский и С.Ф. Ольденбург, проф. М.Н. Ростовцев и др. Участие петербуржцев выразится, вероятно, в поднесении приветственных адресов и в присылке депутации. Из отдельных учреждений Петербурга уже делегировали своих представителей: Литературный фонд — В.Н. Кранихфельда и совет Высших курсов П.Ф. Лесгафта — П.С. Когана»[12].

В середине октября вышел номер журнала «Солнце России» с фотопортретом Бунина на обложке и со статьей З.Н. Гиппиус «В целомудренных одеждах», где, в частности, говорилось: «И. Бунин — хороший писатель, это известно, с этим никто даже и не спорит. А кроме того — он имеет свои черты, свой лик, его не смешаешь с другими нашими, “просто хорошими”, писателями: большинство из них — типичны; Бунин — индивидуален»[13].

---

[5] ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/79 оф. Курсив В.Н. Муромцевой. — *С.М.*

[6] Там же.

[7] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 31—32.

[8] Например, ошибочные сведения о том, что Бунин получил три Пушкинских премии (на самом деле — две), впервые фигурировали именно в этих, приуроченных к бунинскому юбилею, публикациях.

[9] *Клёстов Н.* Иван Алексеевич Бунин // Утро России. 1912. 2 окт. (№ 226). С. 4.

[10] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 133.

[11] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 5.

[12] <*Б. п.*> Московские вести // Русские ведомости. 1912. 18 окт. (№ 240). С. 5.

[13] *Гиппиус З.* В целомудренных одеждах (К 25-летию литературной деятельности Ив. А. Бунина) // Солнце России. 1912. № 42. С. 2.

К своему юбилею Бунин получил множество поздравительных писем и телеграмм. Были среди них и три довольно знаменательных послания, ставших как бы «приветами из прошлого».

Первое — от Э.В. Фехнер, которая была одним из первых юношеских увлечений Бунина и впоследствии послужила прототипом Анхен в «Жизни Арсеньева». «Милостивый государь Иван Алексеевич! — писала она. — Позвольте и мне как старой знакомой поздравить Вас с 25-летним юбилеем Вашей литературной деятельности, сердечно радуюсь Вашей славе! Прошло уже 26 лет как я Вас знаю, и все время страшно хотелось что-либо о Вас узнать, хотя вскользь кое-что слышала, но мало.

В прошлом 1911 году случайно узнаю от одного родственника, что Вы в Москве, он знает Вас хорошо; и сердечно рада, что Вы идете к славе. И тогда, когда Вам было только 16 лет, я предвидела, что Вы пойдете далеко; это было в 1886 году <...>. Извините за беспокойство, но не утерпела, чтобы не поздравить, хотя долго колебалась.

С почтением Лидия Григорьевна Носова урожденная Эмилия Васильевна Фехнер»[14].

Второе — от В.В. Бибиковой (урожденной Пащенко — первой любви и первой гражданской жены писателя), приславшей телеграмму из Сочи: «Пусть теплый морской ветер принесет аромат юга и сердечный привет и пожелания долголетия дорогому юбиляру»[15].

Третье — от М.П. Бякина, в доме которого Бунин жил в 1881—1882 гг. во время учебы в Елецкой гимназии. Бякин, переехавший из Ельца в Орел, писал: «Многоуважаемый Иван Алексеевич. Глубоко сочувствую Вашему юбилею и от души приношу поздравление своему “Ване”, с которым когда-то занимался и которому старался больше всего внедрить любовь к чтению, как бы предчувствуя, что из этого получится через десятки лет. Прошло 30 с лишним лет, но ты стоишь как живой перед моими глазами с оружием индейца против такого же “Егорчика” (не забыл Захарова).

Желаю дождать[16] дня 50-тилетия, пью твое здоровье и жалею, что не могу лично поздравить. Жду большого прославления.

Твой, гордый своим учеником, бывший учитель, теперь подполковник в отставке М. Бякин»[17].

[14] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 225.
[15] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 7.
[16] Так в оригинале.
[17] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 69.

Юбилейные торжества

Юбилейные торжества начались 24 октября 1912 г. в Москве. В большом зале Литературно-художественного кружка Бунина чествовали его коллеги-писатели из литературного объединения «Среда». В этом чествовании участвовали П.Д. Боборыкин, В.В. Вересаев, Д.Я. Голубев, Ю.А. Бунин, А.Р. Ледницкий, А.А. Кизеветтер, П.Н. Сакулин, Б.К. Зайцев, А.М. Васнецов, И.С. Шмелёв, Г. Чулков, И.А. Белоусов, А.А. Чумаченко, М.П. Гальперин, В.В. Переплётчиков, С.Д. Разумовский, С.С. Мамонтов, С. Гарин, А.И. Адашев, М.Н. Климентова-Муромцева и многие другие — всего более 200 человек.

Н.Д. Телешов приветствовал юбиляра краткой речью, в которой «подчеркнул, что в лице Бунина соединилась старая и молодая “среда”». От «Среды» Бунину был поднесен лавровый венок. Вечер открылся чтением рефератов Н.М. Мешкова («Поэзия Ивана Бунина») и Ю.В. Соболева («О мотивах любви в художественном творчестве юбиляра»). А.Е. Грузинский, М.П. Гальперин, А.И. Журин, И.А. Белоусов и А.А. Чумаченко продекламировали свои стихи, посвященные Бунину. Произведения писателя читали артисты В.М. Иолшина и А.И. Третьякова. Сам Бунин прочел свой новый рассказ «Крик». Вечер закончился товарищеским ужином, на котором с речами выступили А.Р. Ледницкий, П.Н. Сакулин, А.А. Кизеветтер, Н.Г. Шкляр.

По словам московского корреспондента газеты «Сибирская жизнь», речь Шкляра была «наиболее теплой» и вызвала у Бунина живой отклик. Отвечая оратору, отметившему, «как огромное достоинство бунинского творчества, постоянную связь писателя с землей» и усмотревшему «в этой связи верный залог дальнейшего процветания симпатичного таланта», юбиляр сказал: «Вы подчеркнули... именно то, что мне дороже больше всего. Вы напомнили мне самое любимейшее мое изречение из Корана: “Знаете ли, с чем Бог сравнивает человеческое слово? Он сравнивает его с деревом, корни которого таятся глубоко в земле, а ветви тянутся к небу”... Кровная неразрывная связь с землей, — в особенности с родной землей, с родным народом, — всегда была, есть и останется для меня священной, радостной и необходимой»[18].

На следующий день, 25 октября, Бунина чествовали в Первом московском женском клубе. В отчете московской газеты «Раннее утро» об этом вечере сообщалось: «Во время чтения Н.С. Клёстовым доклада, посвященного юбилею поэта, И.А. Бунин с женой и братом Ю.А. <Буниным> появился в зале. Чтение доклада было

[18] *Вяткин Г.* Юбилей И.А. Бунина: (от нашего московского корреспондента) // Сибирская жизнь. 1912. 6 нояб. (№ 246). С. 2.

прервано, и публика устроила юбиляру овацию. Остальная часть вечера прошла в присутствии поэта.

Между прочим, исполнены были артисткой Салиной — романс "Ночь печальна", Савиной — романс Рахманинова на слова Бунина "Я опять одинок" и на его же слова "Снова один", муз. Глиэра.

Г-жа Иолшина-Чирикова продекламировала стихотворения Бунина "Джордано Бруно" и "За окнами снега", а артистка Чилаева-Мельгунова превосходно прочитала стихотворения юбиляра "Александр в Египте" и "Розы Шираза"»[19].

26 октября 1912 г. в Большом зале Политехнического музея в честь Бунина состоялось торжественное заседание Общества деятелей периодической печати и литературы под председательством Д.А. Жаринова. Корреспондент газеты «Русские ведомости» отмечал: «Зала была полна. Кроме членов Общества были представители различных просветительских учреждений, ученых обществ, педагогического мира, судебного ведомства, масса учащейся молодежи. Появление юбиляра встречено долгими аплодисментами»[20].

В ходе заседания С. Глаголь прочитал доклад «Поэт-живописец», в котором Бунин сравнивался с И.И. Левитаном[21]; М.А. Дурасова читала стихотворения Бунина «Я простая девка на баштане...» и «Гроза прошла над лесом стороною...», а А.И. Третьякова — отрывок из повести «Хорошая жизнь»; были исполнены романсы С.В. Рахманинова и А.В. Гречанинова на стихи Бунина («Я опять одинок», «Ночь печальна», «На распутье»)[22]. После настойчивых просьб публики Бунин прочел стихотворения «Алисафия» и «Белый олень». На вечере присутствовали А.Н. Веселовский, А.Н. Толстой с супругой, С.Д. Дрожжин, И.П. Чехов и др.

Вечером 27 октября в зале Правления Московского университета Бунина поздравляло Общество любителей российской словесности. На заседании председательствовал кн. А.И. Южин-Сумбатов, присутствовали А.Н. Веселовский, П.Д. Боборыкин, Ю.А. Бунин, И.А. Данилин, Н.Д. Телешов, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв, И.А. Белоусов, С.Д. Дрожжин, П.А. Тулуб и др.

Как писали «Русские ведомости», «небольшая круглая зала правления университета была полна публикой. Юбиляр был встречен продолжительными аплодисментами»[23]. Юбилейное заседание открыл председатель Общества А.Е. Грузинский, который произнес «речь, посвященную характеристике творчества И.А. Бунина». Он же

[19] <*Б. п.*> Чествование И.А. Бунина в женском клубе // Раннее утро. 1912. 26 окт. (№ 247). С. 4.

[20] <*Б. п.*> Московские вести // Русские ведомости. 1912. 27 окт. (№ 248). С. 4.

[21] См.: <*Б. п.*> Чествование И.А. Бунина // Голос Москвы. 1912. 27 окт. (№ 248). С. 4.

[22] Программа вечера хранится в РГАЛИ (Ф. 44. Оп. 3. Ед. хр. 26).

[23] <*Б. п.*> Юбилей И.А. Бунина // Русские ведомости. 1912. 28 окт. (№ 249). С. 6.

в конце заседания «объявил об избрании И.А. Бунина почетным членом общества в ознаменование литературных заслуг. Это постановление встречено собравшимися продолжительными аплодисментами»[24].

Бунин читал рассказ «Смерть», а также, «уступая просьбам», — стихотворения «Монастыри в предгориях глухих...», «Летняя ночь» («Дай мне звезду, — твердит ребенок сонный...»), «Мать» («И дни и ночи до утра...»).

По отзыву газеты «Утро России», рассказ «Смерть», «написанный на библейские темы (смерть Моисея)», в авторском исполнении «произвел сильнейшее впечатление»[25]. «Читал он, по обыкновению, хорошо, — вторила "Сибирская жизнь" — медленно, вдумчиво и сдержанно; по-видимому, манера читать у Бунина та же, что и писать. И от такого гармоничного слияния характера произведений и манеры читать их — впечатление получается сильное»[26].

Кульминацией в праздновании бунинского литературного юбилея стало «общественное чествование» писателя, состоявшееся 28 октября и ставшее поистине всероссийским и всенародным. В нем участвовали представители едва ли не всех сословий и профессий.

Торжества начались в час дня в гостинице «Лоскутной», где остановился юбиляр. Первый в тот день поздравительный адрес — от разряда изящной словесности Императорской академии наук, — подписанный 12 академиками[27], он принял из рук А.Н. Веселовского, П.Д. Боборыкина и Д.Н. Овсянико-Куликовского. Затем А.Е. Грузинский и П.Н. Сакулин поднесли Бунину адрес от Общества любителей российской словесности, а А.И. Южин и Вл.И. Немирович-Данченко — от Общества драматических писателей. Адрес от литературного кружка «Среда», а также портрет А.С. Пушкина и альбом с портретами всех членов кружка[28] Бунину вручили Н.Д. Телешов, А.Е. Грузинский, А.А. Карзинкин, И.А. Белоусов, Б.К. Зайцев, Л.А. Хитрово.

Н.Д. Телешов и И.А. Белоусов, представлявшие Литературно-художественный кружок, вручили Бунину приветственный адрес[29], написанный В.Я. Брюсовым — одним из директоров кружка.

От А.А. Карзинкина был передан Бунину «художественно сделанный слон на цветочном плато с изображением экзотического уголка из пальм, мимоз и орхидей»[30]. От А.А. Карзинкиной было

[24] Там же.

[25] <*Б. п.*> Чествование И.А. Бунина // Утро России. 1912. 28 окт. (№ 249). С. 5.

[26] *Вяткин Г.* Юбилей И.А. Бунина... С. 2.

[27] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 131. Л. 13.

[28] Там же. Л. 7.

[29] Там же. Л. 4—6.

[30] <*Б. п.*> Юбилей И.А. Бунина // Русское слово. 1912. 30 окт. (№ 250). С. 6—7.

прислано «очень ценное старинное итальянское издание “Божественной комедии” Данте»[31].

Адрес, который юбиляру поднесла «молодая среда» в лице Д.Я. Голубева, М.И. Гальперина, Е.С. Курч и А.Н. Бибикова, был помещен в папку с акварельным этюдом, изображавшим бедную русскую избу (автор — художник В.В. Переплётчиков).

От имени Художественного театра К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко преподнесли Бунину золотой жетон с римской цифрой «XXV», составленной из бриллиантов, и эмблемой театра — чайкой.

Не менее дорогими были подарки от рядовых почитателей таланта писателя: одна их группа через А.Н. Бибикова передала вместе с адресом аккредитив на 20 тысяч франков, другая — серебряную парусную яхту с надписью «Вера».

Бунина приветствовали также представители Толстовского общества, первого Литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н. Островского, Общества деятелей периодической печати и литературы, Московского правления Кассы взаимопомощи литераторов и ученых, «Книгоиздательства писателей в Москве», Суриковского литературно-музыкального кружка, Первого Московского женского клуба, Русского библиографического общества при Императорском Московском университете, Московских высших женских курсов, Курсов П.Ф. Лесгафта, Курсов драмы А.И. Адашева, редакций журналов и газет, в том числе «Вестника Европы», «Вестника воспитания», «Современника», «Женского дела», «Сибири», «Сибирской жизни», «Пути», «Молодой жизни».

Всего в тот день Бунин получил 26 поздравительных адресов.

В финале торжественной церемонии Бунин произнес лишь одну фразу: «Глубоко благодарю, не могу больше сказать ничего»[32]. Затем гостям были предложены завтрак и шампанское.

Вечером в Большом зале Литературно-художественного кружка состоялся банкет в честь юбиляра, присутствовало более 200 человек; председательствовал А.И. Южин-Сумбатов. При появлении Бунина и В.Н. Муромцевой в банкетном зале им были поднесены цветы.

С приветственными речами выступали С.А. Иванцов, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.Е. Грузинский, П.Н. Петровский, Н.Д. Телешов, А.Р. Ледницкий, И.И. Попов, Е.А. Ляцкий и др. П.Н. Сакулин произнес «красивую речь, покрытую аплодисментами». Заслуженный профессор Р.Ф. Брандт прочел приветственное письмо академика Ф.Е. Корша. Н.М. Кишкин в своей речи охарактеризовал юбиляра «как одного из лучших сынов великого народа». А.И. Южин-Сумбатов приветствовал Бунина и «от себя лично», и от имени Малого театра. Армянский поэт А.И. Цатуриан читал посвященное виновнику торжества стихотворение на армянском языке. Согласно отчету «Вечерних известий газеты “Коммерсант”», это последнее выступление, видимо, особенно растрогало Бунина, поблагодарившего своего армянского коллегу «за мудрую речь Востока...»[33].

Судя по газетным отчетам, среди участников чествования были также Ю.И. Айхенвальд, П.С. Коган, С.Д. Дрожжин, гр. А.Н. Толстой, М.П. Арцыбашев, Б.К. Зайцев, Б.А. Лазаревский, М.П. Чехова, И.П. Чехов, К.Ф. Лебедев, А.И. Адашев, В.А. Капеллер, К.Н. Рыбаков, Е.В. Гельцер, О.Л. Книппер, А.А. Вербицкая, Д.Л. Михаловский, В.Н. Муромцева, С.А. Разумовский, В.П. Обнинский.

После выступлений были зачитаны поздравительные телеграммы, каковых в тот день юбиляр получил более 300 (в том числе из Египта, Японии, стран Западной Европы), и письма — в частности, от Ю.И. Айхенвальда, Л.Н. Андреева, А.А. Блока и А.М. Ремизова, В.Я. Брюсова, В.М. Васнецова, М. Горького, В.Г. Короленко, А.И. Куприна, Д.Н. Мамина-Сибиряка, И.М. Москвина, С.А. Найдёнова, С.В. Рахманинова, И.Д. Сытина, Е.Н. Чирикова, Ф.И. Шаляпина.

Затем Бунин произнес длинную речь, о содержании которой мы можем судить, к сожалению, только по газетным отчетам. В этой речи, как писали «Вечерние известия газеты “Коммерсант”» писатель «старается выяснить свое credo и ответить на нападки <критиков> <...> Он отрицает свой пессимизм, говорит, что он всегда поклонялся и поклоняется солнцу. Отрицает свою антиобщественность и делает цитату из Флобера — почему-то всегда человека, обладающего хорошим стилем, обвиняют в антиобщественности... Растроганным голосом Бунин говорит о своей любви к народу, о том, что, несмотря на его происхождение из старинного рода, — в чем его постоянно упрекают — он кровно связан с народом... Речь производит большое впечатление искренностью»[34].

Между тем 28 октября юбилейные торжества проходили не только в Москве. Так, в Киеве в помещении Общества искусства и литературы состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный Бунину. Со вступительным словом «Характер и мотивы творчества И.А. Бунина» выступил И.В. Джонсон. В литературно-музыкальном отделении вечера участвовали артисты киевских театров[35].

---

[31] Там же.

[32] <*Б. п.*> Чествование И.А. Бунина // Волгарь. 1912. 31 окт. (№ 300). С. 4.

[33] *Сен-Бри.* На юбилее И.А. Бунина // Вечерние известия газеты «Коммерсант». 1912. 29 окт. (№ 23). С. 3.

[34] Там же.

[35] См.: *Нарцисс.* В мире искусств. Вечер И.А. Бунина // Южная копейка. 1912. 31 окт. (№ 665). С. 3.

Подобные заочные чествования юбиляра состоялись и в других городах России. Последней бунинский юбилей отметила общественность Одессы, причем это произошло 17 января уже следующего, 1913-го, года. На вечере, устроенном одесским Литературно-артистическим клубом, выступили с докладами: профессор Новороссийского университета Е.Н. Щепкин («Бунин 19-го и Бунин 20-го века»), С.Л. Авалиани («И.А. Бунин в прозе»), П.А. Нилус («Отношение И.А. Бунина к Одессе и эволюция его творчества»); А.М. Фёдоров прочел свое стихотворение «Сапсан», посвященное Бунину; стихи самого юбиляра прозвучали в исполнении местных актеров.

В отчете об этом вечере газета «Одесские новости» отметила: «Немножко запоздал литературно-артистический клуб со своим откликом на юбилей Бунина, блеснув зато разнообразием широкой программы. <...> У переполнившей зал публики исполнители, равно как и лекторы, имели шумный успех»[36].

Тогда же Бунину на Капри была отправлена телеграмма на французском языке, ее текст через два дня, 19 января, появился и в печати[37]. В телеграмме говорилось: «Проведя литературный вечер, посвященный Вашей изящной поэзии, мы шлем Вам наш привет — как истинному поэту. Литературно-артистический клуб Одессы»[38].

Бунин ответил также телеграммой: «Прошу одесский Литературно-артистический клуб принять мою искреннюю благодарность за память и привет»[39].

Периодическая печать о юбилее

Между тем русская печать тоже далеко не сразу «забыла» о юбилее писателя. Статьи, посвященные 25-летию литературной деятельности Бунина, появлялись вплоть до середины декабря 1912 г. В общей сложности вышло, по меньшей мере, 50 таких публикаций. Их авторы (критики и журналисты) в основном сообщали краткие биографические данные, писали о поэзии и прозе юбиляра. Его ставили в один ряд с И.С. Тургеневым, А.П. Чеховым, Ф.И. Тютчевым, А.К. Толстым; отмечали богатую палитру языка, удивительную изобразительность художественных приемов; все как один

[36] *Ис.Ш.* «Четверг» о Бунине // Одесские новости. 1913. 18 янв. (№ 8925). С. 2.

[37] *<Б. п.>* Литературно-артистический клуб // Одесские новости. 1913. 19 янв. (№ 8926). С. 3.

[38] Цит. по: *Бунин И.А.* Письма 1905—1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.-Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007. С. 649.

[39] Там же. С. 258.

подчеркивали приверженность Бунина классическим традициям русской литературы и при этом настаивали на его уникальности среди писателей-современников.

Среди этих материалов особенно выделяется статья С.В. Яблоновского «Подарок». В ней говорится не только о самом юбилее писателя, но и об отношении общества к творчеству Бунина, о его месте в русской литературе. Высказанные автором суждения для современников, несомненно, были новы и во многом неожиданны. Текст этой статьи практически неизвестен специалистам, поэтому позволим себе привести из нее наиболее важные, на наш взгляд, места.

«Я даже не помню, — писал С.В. Яблоновский, — было ли это с кем-нибудь из наших писателей, чтобы пять дней подряд чествовали его юбилей, как сейчас происходит с Иваном Алексеевичем Буниным.

Точно деревенская свадьба, на которой целую неделю пируют! <...>

Но я ужасно рад, что вдруг все поднялись, и все начали его наперебой чествовать: рад потому, что мы этим хотя несколько искупаем свою близорукость: ведь, собственно-то говоря, мы Бунина проглядели, и он нам теперь вовсе не юбиляр, с которым вот-вот попрощаться придется (как на большинстве юбилеев), а скорее только что обретенный нами человек, точно неожиданно сделанный нам подарок. <...>

И почти накануне четвертьвекового юбилея стоял он перед русским обществом фигурой, еще недостаточно определившейся.

Но уже в это последнее время все-таки расчухали, что стоит, действительно, что-то очень большое и значительное, и только теперь, во время юбилея и после него, когда к И<вану> А<лексеевичу> обратились внимательные взоры, — только отсюда пойдет то его признание, которого по праву и давно уже он заслуживает.

А произошло это очень естественно.

Дело в том, что он говорил без выкриков, с тем спокойствием, с тою ровностью, с которыми говорит человек, зная, что ему придется говорить много и долго, а вокруг него не говорили, а выкрикивали истошным голосом люди, весь смысл и все значение которых заключалось в моменте, и в этом моменте они должны были сконцентрировать всю свою яркость.

Бунин горел ровным, немигающим светом в то время, когда вокруг сверкали и крутились, и шипели, и стреляли мельничные колеса, ракеты, римские свечи. На ровный, белый огонь мало обращали внимания, а когда фейерверки прогорели, и остались от них копоть, обгорелый картон и пороховой чад, то увидели, что бунинский огонь — огонь прочный, настоящий и нужный. <...>

Обратившись теперь к Бунину, мы увидели, что он совсем по-настоящему крупный писатель, и увидели, что не расторгнута в русской литературе связь с прошлым и не повторено прошлое, а пошло оно через Бунина так же естественно, как идут из мощного ствола новые, молодые, сильные и здоровые ветки.

Бунин — весь от истинной русской литературы, — литературы Гоголя, Тургенева, Толстого, — и нет в нем ничего позаимствованного, весь он свой, твердый, спокойный и смелый, как всякий большой талант. <...>

Бунин незаметно, просто и естественно выковал свой собственный язык, совершенно исключительный и так мало еще оцененный»[40].

Схожие мысли высказываются в не менее любопытной статье Т. Ардова (псевдоним московского журналиста В.Г. Тардова) «Юбилейные мысли», где весьма колоритно изображена атмосфера юбилейных дней и, как нам кажется, очень точно переданы те настроения, которые владели участниками чествований. «При главнейших, так сказать, “моментах” празднества, которое устроила по поводу юбилея литературная Москва, — свидетельствовал журналист, — я присутствовал и вынес много хороших, славных, трогательных впечатлений и много... не то чтобы дурных, но странных. Были минуты, когда мне было хорошо за юбиляра. Но были и такие минуты, когда мне было жаль его, когда было больно за него, невыразимо тяжело от того неуклюжего непонимания, которым в эти минуты был окружен писатель.

Я увидел, прежде всего, одно удивительное явление: со всех сторон приходили к писателю, который четверть века служил своему призванию, разные люди с приветом. И чуть не все эти люди (по крайней мере многие!) приносили не один только этот свой привет, приходили не за тем, чтобы в день писательского праздника в почтении склониться пред *писателем*: они приходили с страстным намерением сказать ему, *что именно они желали бы переделать в его творческой личности*. И каждый из них приносил свои указания и свои мерки. <...> Сколько мерок, шаблонов, штемпелей тут пришлепывается к нему, каждый тянет его к себе, на свою сторону, в свой толк, в свою группу. <...>

Когда звучали все эти речи (да и вообще за эти дни), я невольно думал: “А ведь Бунин-то, может быть, гораздо, гораздо больше, чем его считали и считают вот здесь”. Я думал так потому, что уж очень это, по-моему, хороший знак, когда к писателю нельзя пришпилить ни одной этикетки так, чтобы она пришлась как раз! <...>

[40] *Яблоновский С.* Подарок // Русское слово. 1912. 28 окт. (№ 249). С. 3.

И мне хотелось обратить внимание собрания на неуместность всех наших “указаний” и в особенности на неосновательность всех указаний критики, которых столько было сделано И.А. Бунину. <...>

И вот, пробегая путь, пройденный Буниным, я вижу, что и его судьба осенила тем же знаком писательского благословения и человеческого проклятия, и он — из тех, что остаются самими собой до конца. И когда он тогда, в конце банкета, отвечал на некоторые указания и страстно повторял с таким хорошим упрямством: “Не буду, не буду писать так, как вы хотите, никогда не буду” — у меня было хорошо на душе. Слава Богу! <...>

Нужно только одно: чтобы это было святое творчество, чтобы было не только талантливо, но и *свободно*. А у Бунина, если вы проследите его работу и его жизнь, и отношение к нему критики, — это было. И сейчас, в дни двадцатипятилетнего юбилея его работы, это сказывается, и видно, что он побеждает»[41].

И еще на одну газетную публикацию хотелось бы обратить внимание. Это не статья, а, скорее, заметка. Напечатана она была в «Московской газете» в декабре 1912 г. под заглавием «Писатели на экране». Из нее следует, что юбилейные торжества, связанные с 25-летием литературной деятельности Бунина, могли быть сняты на кинопленку. Причем автор, скрывшийся за криптонимом К.Д., пишет об этом неодобрительно: «На экране кинематографа в поучение грядущим потомкам фиксируются различные моменты обыденной жизни современных нам писателей. <...> Уже вышла группа с Мережковским, Гиппиус и Философовым; потом — “выдающийся поэт” (как стоит в заголовке) Бунин, Телешов и Зайцев; Шмелёв, Серафимович, Белоусов, Мамонтов, поэт Дрожжин; отмеченные Толстым — Куприн и Ратгауз. <...> На почве кинематографии создается своего рода писательская конкуренция и недоброжелательство. <...> Кроме того, многие <...> обращаются иногда с странными предложениями. Так, например, некоторые из неумеренных поклонников Бунина желали во что бы то ни стало снять празднества по случаю его 25-летия — прием депутаций и пр.»[42].

Очевидно, кинодокументальная съемка бунинского юбилея осуществлена не была. Что же касается, той пленки, на которой точно были зафиксированы «моменты обыденной жизни» Бунина, то ее, к сожалению, нам в архивах до сих пор обнаружить не удалось.

С бунинским юбилеем были связаны и другие инициативы. Так, по окончании московских торжеств по поводу 25-летия писательской деятельности Бунина у его близких появилась идея издать

[41] *Ардов Т.* Юбилейные мысли // Утро России. 1912. 31 окт. (№ 251). С. 6. Курсив Т. Ардова.

[42] *К.Д.* Писатели на экране // Московская газета. 1912. 3 дек. (№ 224). С. 3.

юбилейный сборник, куда вошли бы, в частности, статьи, заметки, репортажи, отчеты из периодики, поздравительные телеграммы. Однако сам Бунин отнесся к этой идее отрицательно. 16 (29) декабря 1912 г., уже находясь на Капри, он писал брату: «Милый Юлий, мало ли что кто сбрешет! “Юбилей раздули”... Да это всегда и про все так говорят. <...> Но издавать ли юбил<ейный> сборник — не знаю. <...> Повторяю — *тебе виднее*. Хотя чувствую — все равно ничего не выйдет, или выйдет убого. Как будто склоняюсь к тому, что *не надо*»[43].

Юбилейный сборник в свет так и не вышел: очевидно, по желанию Бунина работа над ним была прекращена[44].

Празднование 25-летней годовщины литературной деятельности Бунина стало очередной вехой в признании его достижений на писательском поприще. Триумф его был, безусловно, заслуженным. Тем не менее русская общественность в своей массе была еще далека от *подлинного* осознания того, какое место Бунин *на самом деле* занимал уже тогда в русской литературе. Это осознание пришло значительно позже — в годы русской смуты, в условиях изгнания.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (*проект № 14-04-00227*).

Список литературы

Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии (1870—1953). 2-е изд. М., 1983.

Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004.

Благасова Г.М. Иван Бунин: Жизнь, творчество. Проблемы метода и поэтики. 2-е изд. М.; Белгород, 2001.

Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870—1953. Frankfurt am Main; М., 1994.

Михайлов О.Н. Строгий талант. Иван Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество. М., 1976.

Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М., 2001.

Поступила в редакцию
20.11.2013

[43] *Бунин И.А.* Письма 1905—1919 годов. С. 254—255.

[44] Некоторые материалы для этого сборника сохранились в фонде И.А. Бунина в ОГЛМТ.

В.Н. Греков, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Православного института св. Иоанна Богослова; e-mail: grekov-@mail.ru

ЖУРНАЛ КАК ДИАЛОГ («МОСКВИТЯНИН» 1845 г.)*

Автор анализирует три номера «Москвитянина» 1845 г., выпущенные И.В. Киреевским. Это была первая попытка славянофилов издавать свой журнал. Издание журнала рассматривается с точки зрения диалогических отношений. Диалог возникает, с одной стороны, между авторами журнала, а с другой — между «Москвитянином» и «Отечественными записками». Диалог постоянно прерывался, между его участниками нарушалось взаимопонимание. Все это, вместе с позицией власти, отказавшей Киреевскому в праве стать хотя бы неофициальным издателем журнала, привело к невозможности передать ему журнал и к отказу Киреевского от обязанностей неофициального редактора.

Ключевые слова: *диалог, славянофилы, западники, «Москвитянин», «Отечественные записки», русская история, призвание варягов.*

The author analyzes three issues of «Moskvityanin» 1845 issued by I.V. Kireevsky. It was the first attempt Slavophiles published their journal. Edition of the journal is being analyzed from the perspective of dialogic relations. Dialogue occurs on the one hand, between the authors of the magazine, and on the other — between the «Muscovite» and «Notes of the Fatherland». Constantly interrupted dialogue between its members violated understanding. All this, together with the position of power, refused Kireevsky the right to become at least an unofficial magazine publisher, made it impossible to pass him the magazine and to the failure of his duties of unofficial editor.

Key words: *dialogue, the Slavophiles, Westerners, «Muscovite», «Notes of the Fatherland», Russian history, calling Vikings.*

Проследим за тем, как опровергаются конкретные суждения «Москвитянина» о смене культурных и литературных авторитетов. Белинский приписывает «честь полезного уничтожения незаслуженных авторитетов» профессору А.Ф. Мерзлякову, а затем и Н.А. Полевому. «Отечественные записки» продолжили эту тенденцию. Белинский поясняет, что и он сам, и его журнал всегда уважали и ценили писателей, упомянутых Киреевским. Однако уважение не мешало правильно расставлять акценты, т.е. «определять по отдельности» значение художественное («безусловное») и историческое (меняющееся). При этом он напоминает, что статьи самого Киреевского о Пушкине (опубликованные в 1829—1832 гг. в «Московском вестнике», «Деннице» и «Европейце») нарушали тогдашний литературный этикет. Особенно он гордится объективностью

* Окончание. Начало см. в № 4 за 2014 г.